Как «инженерия памяти» вытесняет реальную

Венгерские евреи в Аушвице. Фото: Bundesarchiv Bild

Хотя с момента окончания Второй мировой войны прошло уже 75 лет, ее образ продолжает меняться.

«Формирование» памяти о войне началось сразу после ее окончания. В ходе Нюрнбергского процесса, где судили нацистских лидеров, не допускали упоминаний о советских преступлениях. Причина проста: СССР был союзником запада и главной силой, разбившей Третий рейх. Пакт Молотова — Риббентропа приводился как пример вероломства Германии, нарушившей его и напавшей в июне 1941-го на Советский Союз. Упоминание о совместной операции Третьего рейха и СССР против Польши, советском нападении на Финляндию и страны Балтии — об этом не могло быть и речи. Молчанием обходили также темы, неудобные как для Сталина, так и западных союзников. Насильственные депортации были признаны преступлениями

нацистов, хотя во время войны и после ее окончания их массово проводила Москва, а на Потсдамской конференции великие державы единодушно согласились переселить миллионы немцев из Польши и Чехословакии.

Как процесс Эйхмана изменил подход к Холокосту

Еще одной щекотливой темой стали бомбардировки городов и мирного населения. Первыми их начали немцы, но потом отличились западные союзники, получившие превосходство в бомбардировочной авиации. В Нюрнберге на бомбардировках намеренно не акцентировали внимание, хотя немецкие обвиняемые и свидетели пытались возложить на союзников ответственность за смерть сотен тысяч мирных немецких граждан и огромные материальные потери.

Обгоревшие трупы жителей Дрездена, февраль 1945-го. Фото: Bundesarchiv Bild

В Германии интерес к этим проблемам возрос в начале нашего века. Эксплуатирование мотива послевоенных депортаций «Союзом изгнанных» и его руководительницей Эрикой Штайнбах (Erika Steinbach) вызывало в Польше

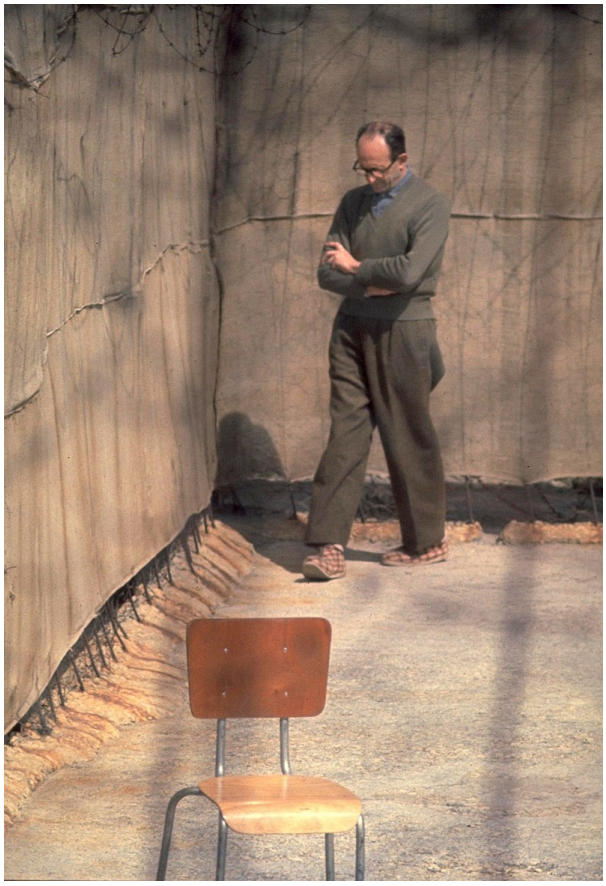
тревогу и возмущение.

Возможно, самый интересным примером того, как менялся образ войны, может служить подход к Холокосту. В Нюрнберге истребление евреев представляли в качестве одного из элементов более широкого массива преступлений. Когда говорили о газовых камерах в Аушвице и четырех миллионах (такую, завышенную почти в четыре раза цифру тогда все называли) погибших там людей, ни в зале судебного заседания, ни в прессе не подчеркивалось, что в большинстве своем они были евреями. Советы в Нюрнберге старались не выделять мученичество евреев, указывая на страдания всех жителей СССР и разрушения, которым подверглась страна.

Ту же линию избрали французы, концентрировавшие внимание на заключенных в концлагеря бойцах антифашистского подполья, а не на депортированных из Франции евреях. Это соответствовало стратегии Парижа, стремившегося подчеркнуть значение своего Сопротивления. Подход англосаксов формировался на основе картин, увиденных в апреле 1945 года в освобожденных лагерях: там помимо евреев находились и другие жертвы нацистского террора. У Лондона была еще одна причина не акцентировать трагедию евреев: он опасался, что это укрепит позиции сионистов и осложнит блокирование еврейской эмиграции в Палестину, которая тогда представляла серьезную проблему для британского руководства.

Адольф Эйхман в зале суда

Эйхман в тюрьме в Рамле. Фото: GPO

Отношение начало меняться только с 1960-х годов, и важную роль в этом сыграл суд над Адольфом Эйхманом — одним из главных организаторов Холокоста. Его процесс в Иерусалиме приковал внимание мировой общественности к теме истребления евреев. Ранее она не считалась заслуживающей особого подхода, свидетельством чего служит книга американского журналиста и историка Уильяма Ширера, которая в 1960 году стала мировым бестселлером. В монументальном труде на 1 200 страниц Холокосту отведено не более 2-3%, что не вызвало никакой критики. После суда над Эйхманом такой подход стал немыслимым, а уничтожение евреев постепенно вышло на первый план в научных исследованиях и общественном восприятии войны, заслоняя собой все остальные.

Франция: неловкая тема коллаборационизма

Порой деформация памяти становится результатом политики руководства того или иного государства, которому удается навязать обществу картину, не совпадающую с реальным историческим опытом. Во Франции генерал Шарль

де Голль, харизматичный лидер продолжавших борьбу французов, а после победы — премьер и президент, создал образ войны, в котором на первое место вышло движение Сопротивления. Сотрудничество с немцами маршала Петена и вишистского правительства стало табуированной темой. Изменения, причем очень постепенные, начались только в конце 1960-х.

Трудно переоценить роль, сыгранную в этом процессе одним документальным фильмом: «Скорбь и жалость». Он рисовал военную жизнь Франции, рассказывая параллельно о буднях Клермон-Феррана в неоккупированной зоне, находившегося под контролем вишистского правительства. Лента строится на рассказах жителей города и сильно расходится с героическими образами, созданными де Голлем. Она показывает, какой массовой поддержкой пользовался Петен и как широко был распространен антисемитизм. В фильме высказываются как французские фашисты — добровольцы, воевавшие в рядах Ваффен СС, так и участники Сопротивления. Последние предстают меньшинством, на которых доносили другие французы.

Глава правительства Виши маршал Петен встречается с Гитлером

Снятую в 1969 году картину демонстрировали телеканалы разных стран. Французские зрители ее не увидели. Против показа выступили организации узников и ветеранов, уверявшие, что «фильм разрушает миф, в котором до сих пор нуждаются французы». В итоге во Франции его показали лишь в 1981 году, картина собрала аудиторию в 15 миллионов человек.

С того момента сотрудничество с Германией и причастность режима Виши к Холокосту стали занимать все более важное место в общественных дискуссиях, а в 1995 году президент Жак Ширак публично признал, что французское государство несет ответственность за истребление евреев.

Французский пример показывает, что в демократическом государстве попытки сформировать представление о прошлом «сверху» могут быть эффективными лишь на протяжении какого-то периода, а потом под влиянием открываемых заново фактов и давления общественности от них приходится отказываться. Но «инженерия памяти», используемая в политических целях (в Польше ее называют «исторической политикой»), остается обычной практикой во многих государствах, в особенности тех, где плюрализм и свободу дискуссий считают вредными пережитками.

Венгерская «инженерия памяти»

Самым ярким примером служит путинская Россия, где Великая Отечественная война стала политическим инструментом в пропагандистских стычках с соседями. Это продемонстрировала организованная атака на Польшу, когда россияне обвинили руководство Второй Польской Республики в сотрудничестве с Третьим рейхом и назвали ее одной из виновниц развязывания войны, утверждая при этом, что пакт Молотова — Риббентропа был совершенно оправданным актом самообороны СССР.

Мемориал жертвам немецкой оккупации в Будапеште

Еще решительнее Россия применяет историческое оружие против украинцев: после событий на Майдане она изображает их фашистами, а конфликт на Донбассе — современным аналогом Второй мировой войны. Порой это приобретало форму пугающих, а одновременно сюрреалистических исторических реконструкций: украинских пленных унижали, устраивая публичные шествия с их участием, точно повторявшие ритуалы обращения с пленными нацистами.

Собственной «инженерией» памяти занимается и самый верный европейский союзник Путина — Виктор Орбан. В 2014 году в Будапеште открыли памятник «жертвам немецкой оккупации»: черный орел, олицетворяющий гитлеровскую Германию, нападает на архангела Гавриила, символизирующего Венгрию. Этот монумент даже не намекает на то, что Венгрия была союзницей Гитлера и воевала на его стороне вплоть до февраля 1945 года, когда уже дезертировали Италия, Румыния и Болгария, как и молчит о том, что почти полмиллиона венгерских евреев при пособничестве венгерского руководства вывезли в Аушвиц.

Культ «проклятых солдат» затмевает Армию Крайову

Свой образ войны создает также польская правящая партия «Право и справедливость». Прежде всего, власть старается избавиться от интерпретаций прошлого, не соответствующих официальной партийной линии. Экспозицию Музея Второй мировой войны в Гданьске решили переоборудовать, поскольку она была излишне «космополитической» (то есть рассказывала о судьбе других народов) и «пацифисткой» (внимание было сосредоточено на судьбах мирных жителей). Потом там искусственно (вразрез историческим фактам) завысили число евреев, спасенных поляками.

Бойцы Свентокшиской бригады, 1945

В новой версии закона об Институте национальной памяти введено наказание за высказывания о причастности поляков к преследованию евреев во время войны. Все это получило широкий негативный резонанс в мире, а переписывание истории, которым занимается «Право и справедливость», начали сравнивать с действиями путинской России, тем более что частью этого процесса стало фактически исключение Польши задним числом из

антигитлеровской коалиции. Как иначе воспринимать официальные торжества по случаю годовщины создания Свентокшиской бригады, проходившие под патронатом президента Дуды? Речь идет о формировании, которое сотрудничало с Германией во имя борьбы с Советским Союзом и отступило из Польши в 1945 году вместе с вермахтом, а вдобавок провозглашало антидемократические и антисемитские лозунги.

Картину дополняет замалчивание таких фактов, как участие польских солдат в штурме Берлина, единственном подобном событии в нашей истории. В мае 1945 года все воспринимали это как победу над ненавистной Германией. Конечно, поляки действовали под руководством Красной армии, но они по большей части воевали не за коммунизм, а против врага, напавшего на их страну.

Одновременно насаждается официальный культ «проклятых солдат», которые отодвигают на второй план Армию Крайову и Польское подпольное государство. О том, что вооруженная борьба против коммунистов и СССР велась вопреки воли руководства Польской республики, умалчивается. Совет национального единства, подпольный парламент, при своем роспуске в 1945 году призвал продолжать борьбу за свободную Польшу, но подразумевал мирные методы. Такую же позицию занимало правительство в Лондоне, которое считало продолжение вооруженной борьбы бессмысленным обескровливанием страны.

Эффективно ли такое опирающееся на ложь, умолчания и подтасовку фактов формирование образа истории? Оно ведет к появлению вредных лживых мифов, затрудняющих нам понимание прошлого, а в том числе и войны, годовщину окончания которой мы сейчас отмечаем. Исторический дискурс, создававшийся Польской Народной Республикой, разрушился после краха коммунизма. Еще менее прочной, по всей видимости, окажется «инженерия памяти» партии «Право и справедливость», ведь мы все еще живем в плюралистическом обществе и имеем доступ к альтернативным источникам информации.

Павел Махцевич, Onet (Польша)

Публикуется в сокращении